

Конопницкая Мария Юзеевна

Год 1835

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Юзефовна К.**
Год 1835 / Конопницкая Мария Юзефовна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-90184-0

ISBN 978-5-519-90184-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шаннымъ съ пескомъ—мы въ этихъ нерчинскихъ шахтахъ больше добыли золота непоколебимыхъ чувствъ, самоотверженія и вѣры въ Польшу, нежели вынесли его на свѣтъ Божій въ своихъ тачкахъ.

.
Но послѣ попытки Завиши къ намъ стали прибывать иные люди. Они не были въ мощныхъ рядахъ національной арміи, не были въ бою въ открытомъ полѣ. Люди эти вели партизанскую войну, жили заговорами, подымались тихо, по ночамъ, какъ вампиры изъ могилы великой кампаніи 30-го года. Не воины, а мстители, не борцы, а заговорщики; въ нихъ были другія доблести, другая сила.

Они были не такіе, какъ мы. Они не были, какъ мы цѣлымъ народомъ, а лишь частицей его, сильнѣе чувствующей ярмо позора и тяжесть рабства. Они были представителями не революціи, а бунта, не силы, а страданія.

Духъ ихъ былъ высокій и возможно даже, что болѣе великій, чѣмъ нашъ духъ, гнавшій насъ на Москву.

Вѣдь мы шли открыто, при шумѣ знаменъ, развѣвавшихся на солнцѣ, въ воздухѣ рѣяли наши бѣлые орлы, нами командовали вожди, насъ гналъ размахъ мощнаго, народнаго вихря.

Они же шли безъ всего того внѣшне яркаго, сильнаго, что вызываетъ мужество въ солдатѣ, шли какъ идутъ на вѣрную смерть и казнь, сами себѣ назначая директивы.

Но духъ ихъ былъ какой-то суровый, угрюмый, погруженный въ себя. Ихъ мужество было скорѣе мужествомъ мучениковъ, чѣмъ

рыщарей. Они боролись, зная, что погибнуть и пришли сюда на гибель. Земля жаждала тихихъ жертвъ—говорили они, и тишина смерти пришла вслѣдъ за ними къ намъ.

Наши и за тачкой часто пѣли. Бывало Бакевичъ, родомъ изъ Овруча, какъ затянетъ пѣсню о влюбленномъ Юстинѣ, оставившемъ невѣсту въ Варшавѣ, такъ и соловья не надо.

Пѣвалъ пѣсенки и часто залихватскія и Мишня, крестьянинъ-мазуръ. Саперъ Дожутинскій, сербъ родомъ, научившійся отъ матери-венгерки удивительно чудеснымъ пѣснямъ, умѣлъ пѣсней промолвить сердцу. Даже старый Довяттъ, говаривавшій бывало: «Лучше молитва, чѣмъ обѣдъ», затягивалъ частенько различные духовные стихи.

Но тѣ, новые, не пѣли никогда. Тишина предшествовала имъ, тишина слѣдовала за ними. Ихъ пѣснью былъ стонъ, скрежетъ, или тяжелые вздохи. Но пришло такое время, что и мы перестали пѣть.

Какая то зараза вѣяла на насъ отъ ихъ крѣпко сомкнутыхъ губъ. Разговоры затихли, взглядъ нашъ сталъ мутнымъ, неподвижнымъ, мрачное облако печали окутало лица.

Такъ молча копали мы мѣсяцъ, копали два, пока не докопались до сомнѣнія. На души наши повѣяло холодомъ и мракомъ, повѣяло отчаяніемъ. Многіе изъ насъ почувствовали боль и слабость, до сихъ поръ сдерживаемые силой духа. Многіе падали въ обморокъ около тачки, хотя незамѣтно было, чтобы Афанасьевъ подсыпалъ песку въ муку, больше прежняго.

Если мы не молчали, то вели разговоры не менѣе утѣшительные. Одни только предсказанія

несчастій, одни только предвѣщанія будущихъ пораженій родины, предвѣдѣнныя гибели общаго дѣла.

Только тогда появилось въ нерчинской каторгѣ несчастье, болѣе ужасное, чѣмъ самая неволя—безуміе.

Оно являлось не только результатомъ отчаянія, но и той горячности, съ которой относились многіе, несмотря на прикованныя къ тачкѣ руки, къ спасенію родины, къ подвигу, къ оружію, къ борьбѣ; результатомъ стремленія къ мести, напряженной ненависти не такъ къ врагу, какъ къ угнетателю; необходимости открыть міру глаза на творящееся безправіе и насилья; результатомъ тѣхъ остатковъ вѣры, которые еще боролись со смертію, не желая умереть и не имѣя силъ жить.

Не всѣ переживали это одинаково. Нѣкоторые переболѣли этимъ, какъ лихорадкой и такіе спаслись отъ заразы.

Но хуже всего было тѣмъ, которые впали въ меланхолію. Они задумывались, худѣли, чернѣли, не говорили ни слова, никому не подавали руки, затѣмъ впадали въ внезапное помѣшательство и такимъ образомъ кончали свою жизнь.

.
Къ намъ привели партію участниковъ по омскому дѣлу¹⁾.

Я обрадовался. Я думалъ, что новые товарищи внесутъ съ собой новый духъ. Это было вполне возможно. Ихъ каждое слово могло дышать ароматомъ свободы, каждое лицо могло

1) Такъ называемое «Забайкальское возстаніе» возмущеніе поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь, которыхъ тамъ собралось до шести тыс. въ 1834 г. *Прим. пер.*

внести къ намъ новое выраженіе, новой боли. Каждая грудь могла заключать въ себѣ новый міръ.

Даже къ сермягамъ, въ которыхъ они были, могло прильнуть что либо болѣе новое, свѣжее, чѣмъ та затхлая, землистая сырость, какой пропиталась наша одежда старыхъ каторжниковъ.

Я думалъ, что какъ по пословицѣ: клинъ клиномъ вышибай, такъ и наше старое страданіе, можно излѣчить новымъ страданіемъ и что напряженіе и потрясеніе чувствъ подѣйствуютъ цѣлительно на нашихъ меланхоликовъ. Но я жестоко ошибся. Именно съ ихъ прибытіемъ началась настоящая трагедія.

Тѣ, что прибыли къ намъ по омскому дѣлу, принесли въ нашъ острогъ новое, горшее несчастье. Какъ шакалы слѣдуютъ за недобитыми, такъ и за ними вслѣдъ пришли вѣсти, еще болѣе ужасныя, еще сильнѣе ослабившія духъ каторги.

Они шепотомъ рассказывали намъ, какъ Шокальскій, по омскому же дѣлу, приговоренный къ шести тысячамъ палокъ, съ нечеловѣческой силой пережилъ эту казнь, но впалъ въ внезапное помѣшательство и покончилъ съ собой. Они рассказывали намъ о тѣхъ товарищахъ, которые искали пріюта у киргизовъ и какъ киргизы связывали ихъ и уводили далеко, далеко въ рабство. Товарищи наши убѣгали отъ киргизовъ и сами шли подъ палки; другіе убивали себя въ дорогѣ, чтобы избѣгнуть кары.

Страшно было впечатлѣніе, какое произвели эти рассказы на наши наболѣвшія души.

Юзефъ Литинскій пытался повѣситься, а

мужественный, энергичный Гольштейнъ семь дней ничего не ѣлъ.

Помѣшательство и самоубійство, два самыхъ страшныхъ бича человѣческой души, раньше не извѣстные среди насъ, какъ чума распространились въ рудникахъ.

Оказались и такіе, что стали пить, отдавая за водку свои собственныя заработанныя деньги, или полученные изъ братской кассы.

Лица принимали какой-то странный цвѣтъ, становились зелеными, похожими на оловянные маски, руки тряслись, колѣни подгибались, впавшіе глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Хлѣбъ Аѳанасьева, хотя былъ такой же какъ раньше, ибо худшимъ онъ уже не могъ быть, валялся на нарахъ и плеснѣвъ ѣлъ. Ёсть нельзя было, такія жестокія боли схватывали внутренности.

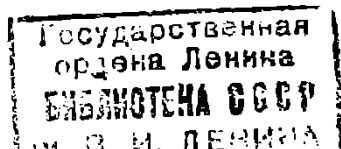
Я догадался, что люди ѣли руду. И дѣйствительно ѣли.

Этотъ страшный ядъ долженъ былъ осушить ихъ страстное желаніе: уничтожить собственное существо и отчаяніе. Начальство наше, наконецъ, стало догадываться кой о чемъ и если кто-нибудь очень зеленѣлъ, то его наказывали «ядромъ».

Это было далеко не легкое наказаніе. Тяжесть кандаловъ, увеличенная ядромъ, становилась прямо невыносимой, а цѣпь, вертѣвшаяся вмѣстѣ съ ней, натирала кожу, вѣдалась въ мясо, разбивала кости и выворачивала ноги.

Но и ядро не помогало. Ослабъ духъ нашъ, а безуміе продолжало въ нашихъ умахъ свое страшное дѣло.

Однажды я замѣтилъ, что и Ходыкевичъ... Я и Ходыкевичъ жили, какъ два брата. Поля

наши были рядомъ; мы были сосѣдями съ нимъ въ то горячее время, когда народъ жилъ и дышалъ больше извѣстіями изъ Варшавы, чѣмъ воздухомъ собственныхъ полей.

Вмѣстѣ съ нимъ мы довольно счастливо отбыли компанію 31-го года, вмѣстѣ насъ загнали въ Галицію, а оттула выгнали. Вмѣстѣ мы сидѣли въ тюрьмѣ, пришли сюда и третій уже годъ работали на сосѣднихъ тачкахъ.

Ходыкевича захватило вскорѣ послѣ прибытія товарищей изъ Омска. Онъ совсѣмъ пересталъ разговаривать и задумывался до того глубоко, что конвойный могъ колоть его штыкомъ—онъ не чувствовалъ. Я часто встряхивалъ его такъ сильно, какъ будто бы у меня въ рукахъ былъ не человѣкъ, а снопъ соломы, чтобы только привести его въ сознаніе. Онъ бывало посмотритъ на меня, улыбнется, беззвучно зашевелитъ губами и снова глаза его закатываются.

Замѣтилъ я, что и онъ руду ѣстъ. Плохо! И такъ какъ наша братская дружба была очень сильна, то я заклиналъ его именемъ родины, чтобы онъ прекратилъ.

Ходыкевичъ вздрогнулъ при словѣ: «родина», открылъ широко глаза, устремилъ ихъ въ землю и сказалъ тихо:

— Нѣтъ уже родины!

До самой своей смерти не забуду я этого шопота. Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ, словно я могилу переступилъ. Къ несчастью разговоръ нашъ былъ въ такую роковую минуту, что эти три слова, словно клещи, впились въ голову Ходыкевича. Съ тѣхъ поръ всѣмъ, кто

къ нему обращался, не исключая и дежурнаго офицера, онъ отвѣчалъ только однимъ:

— Нѣтъ уже родины!

Эти три слова, какъ проказа разошлись по людскимъ сердцамъ и какъ проказа разѣдали ихъ. Изъ конца въ конецъ рудниковъ люди перекликались ими, какъ лозунгомъ отчаянія. Нашлось наконецъ опредѣленіе болѣзни, томившей насъ.

Бывало, работаемъ молча; мы уже не только отъ пѣсенъ, но и отъ рассказовъ, отъ воспоминаній отвыкли. Нашъ конвойный даже задремлетъ и трубку изо рта выронить; тишина вокругъ, только тачка загудитъ, кирка стукнетъ, кандалы забренчатъ и снова тихо вокругъ.

Вдругъ изъ угла, съ самага дна темноты, раздается дрожащій голосъ:

— Нѣтъ уже родины!

Ему отвѣтитъ глубокій, протяжный вздохъ многихъ грудей и снова тихо вокругъ.

Снова гудитъ тачка, стучитъ кирка, бренчатъ кандалы. И снова изъ другаго угла, изъ нѣдръ земли, слышится голосъ:

— Нѣтъ уже родины!

Снова протяжный стонъ, какъ ужасное эхо пронесется въ рудникахъ и опять все тихо вокругъ.

Это была такая страшная отходная, которую вѣроятно не слыхали и осужденные въ нѣдрахъ ада. Ибо говорю вамъ: нѣтъ такой вины, которая могла бы перевѣсить кару безумія и подобныя муки. Отъ этой отходной, одни, какъ колосья падали на землю у тачекъ, другіе разражались такимъ адскимъ смѣхомъ, такими бого-

хульствами, что у насъ, болѣе здоровыхъ, смотрѣвшихъ на нихъ, волосы вставали дыбомъ.

И созданъ у насъ такой адъ, о которомъ не мечталъ никто никогда, не мечталъ даже великій флорентинецъ, выдавшій его при жизни.

Тѣхъ, что спаслись отъ заразы, можно было пересчитатъ на пальцахъ. Уцѣлѣвшіе держались дружно, всѣ вмѣстѣ, оберегая остальныхъ. Каждый изъ насъ заботился о томъ, кто былъ ему милѣе и дороже; я оберегалъ Ходыкевича, а тому становилось все хуже и хуже. У другихъ бывали вспышки безумія, послѣ которыхъ, развѣдавшая ихъ души меланхолія ослабѣвала на время; онъ всегда былъ одинъ и тотъ же, мертвенно-тихій, спокойный. Казалось, стоитъ только тронуть его пальцемъ и онъ упадетъ, такой же прямой, неподвижный, не закрывая вѣчно открытыхъ, стеклянныхъ глазъ, устремленныхъ въ какую-то ему только видную даль. Онъ добывалъ и возилъ руду безъ утомленія, терпѣлъ безъ ощущенія, почти не принималъ пищи, не открывалъ рта, а если и открывалъ то развѣ только для того, чтобы сказать: «нѣтъ уже родины»..... И говоря это склонялъ голову и смотрѣлъ въ землю, словно видѣлъ тамъ могилу.

Сколько муки, ужаса было въ его шепотѣ— не описать.....

Комендантъ, не злой человѣкъ, самъ обратилъ на это вниманіе. Ходыкевичъ былъ отмѣченъ на каторгѣ чернымъ крестикомъ за убійство исправника. И для искупленія такого тяжкаго преступленія требовалось немало времени. А вдругъ, упаси Боже, не хватить жизни!

Старались развлечь его маленхолію и плеткой и постомъ, и удвоенной работой; пробовали будить по ночамъ и не добившись ничего, оставили его въ томъ мертвенномъ спокойствіи, съ какимъ онъ шелъ къ тачкѣ и возвращался назадъ. Намъ не запрещали сходитьсь вокругъ него и развлекать его нашимъ присутствіемъ и бесѣдами, даже одобряли.

Да и начиналось уже то время, когда за деньги можно было сдѣлать очень многое. Приближался 38-й годъ, система Бибикова созрѣла и давала свои плоды.

И вотъ сидѣли мы всѣ около постели Ходыкевича.

Въ печи скупо тлѣли три или четыре головешки, въ углахъ камеры притаились глубокія тѣни. Было воскресенье, конецъ дня и конецъ осени. За стѣной гудѣлъ вѣтеръ, а когда онъ затихалъ слышались мѣрные шаги и перекликаніе часовыхъ. У дверей камеры стоялъ часовой съ насаженнымъ на винтовку штыкомъ.

Это былъ татаринъ Даданъ, получавшій отъ насъ ежемѣсячно извѣстную сумму «на трубку» и за это глухой и слѣпой ко всему, что творилось въ камерѣ, а внѣ камеры молчавшій такъ, какъ только умѣетъ молчать купленный татаринъ.

Ходыкевичъ лежалъ на спинѣ, съ широко открытыми глазами.

Онъ не спалъ уже три ночи, жаромъ вѣяло отъ него: сидя вокругъ него на нарахъ, на землѣ мы старались разговаривать свободно и даже весело.

Мы уже заранѣе уговорились между собой, чтобы реагировать на несчастіе внѣшнимъ ви-

домъ спокойствія. Какъ всегда мы говорили о воспоминаніяхъ молодости, школьныхъ, юношескихъ лѣтъ, о надеждахъ и грезахъ весны.

Хозяйство Аванасьева, его жадность, подкупность, злоупотребленія въ свою очередь тоже доставляли намъ обильный матеріалъ для разговоровъ. Иногда рассказывалъ намъ кое-что о широкомъ мірѣ Доротинскій прямо изъ русской арміи, дезертировавшій къ повстанцамъ.

Южная кровь кипѣла въ его жилахъ, придавая его рассказамъ необыкновенныя краски и живость. Остроумный, краснорѣчивый, онъ любилъ и умѣлъ говорить, много путешествовалъ, видалъ множество людей и отличался быстрымъ умомъ.

Въ нашемъ несчастьи мы считали его настоящимъ сокровищемъ. «Хандры», какъ говорилъ онъ, тоже довольно часто нападали на него и тогда за все золото міра, нельзя было добиться отъ него ни единого слова. Онъ только плевалъ въ то время во всѣ углы.

Былъ тогда съ нами Высоцкій, смуглый брюнетъ, веселый и весьма простодушный. Высоцкій нѣсколько попивалъ и былъ вспыльчивъ; у насъ его боялись, какъ огня, даже самъ комендантъ боялся его задѣвать. Ужъ очень медвѣжьей силой отличался этотъ человѣкъ.

Исторія его преступленія была довольно интересная. Какъ партизанъ, онъ самъ одинъ напалъ на русскую почту, убилъ ямщика и трехъ казаковъ, но деньги и бумаги сжегъ.

Эта послѣдняя его услуга, показалась тогдашнему національному правительству, не осо-